

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. Н. БЕРНШТАМ

К ВОПРОСУ ОБ УСУНЬ || КУШАН И ТОХАРАХ

(Из истории Центральной Азии)

Пожалуй, одной из самых неясных и в то же время увлекательных проблем современного востоковедения является проблема историко-культурного развития народов Восточного Туркестана. С того времени, как Ватерхауз доложил на заседании Бенгальского Азиатского общества о находке капитаном Боуэром рукописей на березовой коре в Кучаре¹ и после определения — сначала Бабу Сарат Чандра Дасом, а затем Рудольфом Горнилом их санскритского происхождения², прошло уже свыше 45 лет. За это время востоковедение обогатилось обширнейшими собраниями документов из Восточного Туркестана, особо богато представленными в собрании Поля Пелльо³ и А. Стейна⁴. Несколько десятков высококвалифицированных специалистов, главным образом филологов и лингвистов разных стран, представителей почти всех главных отраслей востоковедения — синологов, индологов, иранистов, тюркологов и сирологов — выступали в печати с чтением и комментированием текстов⁵. По существу создалась новая наука — «восточно-туркестанская филология»⁶, породившая ряд больших исторических проблем. Достаточно указать, что в течение века складывающаяся индоевропеистика, в лице такого колосса буржуазной науки, как Эдуард Мейер, отказавшись от традиционных представлений о происхождении индоевропейцев, перенесла поиски их прародины в Восточный Туркестан⁷. Но если историки начали, хотя и слабо, пользоваться выводами восточнотуркестанской филологии, то все же они мало приложили труда к непосредственному решению этих проблем. Это приводит-

¹ «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Nov. 1890, pp. 221—223.

² Определение Ватерхауза, назвавшего их „индо-татарскими“; см. «Proceedings ASB», Nov. 1890, pp. 221—223. Чтение и перевод R. Hoernle — см. «Proceedings ASB», April 1891, pp. 54—65.

³ Rapport de M. Paul Pelliot sur sa mission au Turkestan Chinois, 1906—1909 (отд. отт.).

⁴ Guide to an Exhibition of Painting, Manuscripts and other Archaeological objects collected by sir Aurel Stein in Chinese Turkestan, London, 1919. Только одних рукописей в Дуньхуане было открыто 6 500, а в других местах — еще 4 500: на санскрите, китайском, тибетском, хотанском, кучарском, согдийском, тюркском и уйгурском языках.

⁵ Из многих обзоров укажу, например: L ü d e r s, Über die literarischen Funde des Ostturkestan, SPAW, VI, 1914.

⁶ Выражение Н. Миронова, Из рукописных материалов экспедиции М. И. Березовского в Кучу, «Известия Академии Наук», 1909, № 8, стр. 557.

⁷ E d u a r d M e y e r, Geschichte des Altertums, I, 2. Teil, 1909, S. 801.

ло не только к неправильным историческим выводам, но, полагая, задерживало и развитие восточнотуркестанской филологии. Теоретические и исторические выводы последней свелись ныне к более или менее удачным гипотезам, которые завели в тупик эту отрасль знания⁸.

В настоящей статье мы коснемся одного вопроса из этого большого цикла проблем, а именно, вопроса о происхождении и взаимоотношении двух этнонимов: тохары и кушаны.

Содержательный обзор, знакомящий с состоянием тохарской проблемы, был недавно дан И. И. Умняковым⁹. Отметим, что термин «кушаны», как уже установлено, является названием господствующего рода племен юечжи — тохаров¹⁰. Именем последних в начале VII в., по свидетельству Сюань Цзана (630—648 гг.)¹¹, назывались области как на юге современного Синьцзяна, так и на юге Узбекистана и северного Афганистана. Многочисленные языки этих областей представляли собой диалекты иранских языков, лучше всего отраженных ныне в письменных документах из оазисов Хотан, Ния, Эндере и библиотек, открытых в Дуньхуане. Иранскому языку «хотани» (Кирсте)¹², ныне именуемому также сакским (Людерс Лекок)¹³, северноарийским (Лейман)¹⁴, тохарским (Сталь-Гольштейн)¹⁵ языком II¹⁶, находят больше всего параллелей в припамирских языках¹⁷. Литература на этом языке крайне разнообразна: здесь и переводы текстов религиозных буддийских книг на санскрите¹⁸, и тибетские хроники, и деловые документы и пр. Север представлен ограниченным и по численности и по репертуару количеством документов в Кучаре, Турфана, и Карашаре. Этот «язык кентум», больше всего интригующий современную науку, представлен только в переводах с санскрита религиозных и медицинских книг, относящихся к VI—VII вв.¹⁹.

И здесь, на севере, были обнаружены уйгурские тексты VIII—X вв., которые в свою очередь являлись переводами с языка, именуемого этими уйгурскими текстами *toxgı*²⁰, тех самых *toxgı*, имя которых запечатлела и карабалгасунская надпись в Монголии²¹. Однако уйгурским текстам по времени предшествовала литература больше всего на согдийском, меньше на сирийском языках²². Намерение исследователей на-

⁸ Этот скепсис хорошо выражен у W. Heiger'a, *Die archaeologischen und literarischen Funde in Chinesisch Turkestan und ihre Bedeutung für die Orientalistische Wissenschaft*, „Jahresberichte d. K. F. A. Universität“, Erlangen, 1911.

⁹ И. И. Умняков, Тохарская проблема. „Вестник древней истории“, 1940, № 3—4, стр. 181—193.

¹⁰ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 5.

¹¹ Да Тан Сяоцзи, цз. I.

¹² J. Kirste, *Vienna Oriental Journal*, LXVI, 1912.

¹³ H. Lüders, *SPAW*, 1913; *Leqoq*, *JRAS*, 1909.

¹⁴ E. Leumann, *Zur Nordarischen Sprache und Literatur*, „Schriften d. Wiss. Ges. in Strassburg“, H. 10, 1912.

¹⁵ A. Stahl-Holstein, *Tocharisch und die Sprache II* (ИАН, 1908, стр. 1367—1372); его же, *Tocharisch und die Sprache I* (ИАН, 1909, стр. 479—484). У нас был поддержан Н. Мироновым, Указ. соч., стр. 549—550, и В. Бартольдом, К вопросу о языках согдийском и тохарском, сб. «Иран», I, стр. 40—41.

¹⁶ E. Leumann, *Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im früheren Mittelalter*, *ZDMG*, 61 и 62 (1907—1908); см. 61, стр. 651.

¹⁷ W. Heiger, *Op. cit.*, S. 11.

¹⁸ A. F. Rudolph Hoernle, *Manuscript remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan*, I, Oxford, 1916; ср. переводы тибетских документов F. W. Thomas'a, *JRAS*, 1927, 1928, 1930; T. Burrow, *BSOS*, IX, ч. I, 1937, и т. п.

¹⁹ Sylvain Lévi, *Central Asian Studies*, *JRAS*, 1914; E. Sieg and Siegling, *Udanavarga*, Übersetzungen in „Kucischer Sprache“, *BSOS*, Bd. VI, 1930—1932, S. 42.

²⁰ Сводку вопроса о тохри см. Henning, *Aegi and the Tokharians*, *BSOS*, 1938.

²¹ O. Hansen, *Zur Sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*, „*Journal de la Société finno-ougrienne*“, XLIV, 3, Helsingfors, 1930.

²² О согдийских документах см. В. Бартольд, Сб. «Иран», т. I; о находках сирийских рукописей см. у Н. Пигулевской, Сирийские и сиротюркские фрагменты из Харохоты и Турфана, «Советские востоковедения», I, 1940.

звать новооткрытый язык Кучара «тохарским» было лишено оснований, ибо, как уже отмечалось, например, Линдквистом²³, в кучаро-турфанско-карашарских документах нет и намека на язык типа «кентум» и на то, что они сами себя именовали *toxri*. Линдквист делает, с нашей точки зрения, близкое к истине предположение: он считает, что термином *toxri* именовали тюрки-уйгуры согдийский язык и население, говорящее на этом языке²⁴. Однако было бы правильнее сказать, что уйгуры называли этим термином вообще все ираноязычное население Восточного и Западного Туркестана, включая и согдийцев. Основанием к этому у уйгуров было то, что страна ираноязычных племен юга Туркестана именовалась Тохаристан, так же как именовались ираноязычные племена, расположенные по верховьям Аму-дарьи, в Припамирье и в Афганистане, т. е. в западном Тохаристане. В этом отношении уйгуры были правы, когда они заявляли в карабалгасунской надписи о «четырех *toxri*»²⁵ — речь идет об ираноязычных племенах: 1) южного Тохаристана, 2) западного Тохаристана, 3) Согда и 4) согдийцах северного и южного Тяньшаня. «Тохгi» — собирательное название ираноязычных племен Азии, с которыми непосредственно сталкивались тюрки и уйгуры.

Но если *toxri* — ираноязычные племена, в древности занимавшие Восточный Туркестан, то понятно, что их движение на запад перенесло это имя в верховья Аму-дарьи и они там продолжали связи со своими соотечественниками, оставшимися в более компактном виде на юге, в районе Хотана — Алтын-Тага. Именно они, тохары античных авторов, юечжи — китайских²⁶, были вытеснены гуннами и смешались на Тяньшане с усунями, которые в свою очередь были оттеснены к западу также гуннами. В результате, юечжи-тохары, потерявшие свою политическую самостоятельность на севере Синьцзяна, в Тяньшане попали под господство усуней²⁷. Очевидно, этот факт и хотел изложить Трог (I в. до н. э.) в недошедшей до нас главе под заглавием «Как асианы сделались царями у тохаров»²⁸.

Начиная от Дегиня (XVIII в.) и до наших дней, большинство согласны с тем, что античные асии — это китайские усунь²⁹. Но если усунь стали царями тохаров, то почему же тохары стали известны на западе под именем кушанов? Вместо того, чтобы путем трудно допустимых манипуляций искать родство кушан || куши с китайскими юечжи³⁰, которые лучше связываются с античными массагетами, что было доказано Ю. Клапротом³¹, а ныне поддержано С. П. Толстовым³², мы предлагаем совершенно иной путь объяснения термина «кушан».

Анализ хотанского (значит — тохарского) языка установил наличие в качестве его фонетической особенности спиранта *kh, gh* перед начальным гласным³³. С другой стороны, Le Coq³⁴ обратил внимание на то обстоятельство, что в уйгурских переводах типично тюркские формы

²³ Lindquist, Zum *toxri* Problem, «Le Monde Oriental», XII, 1, 1918.

²⁴ Ibid p. 71: «*toxri* der uigurische Name des sogdischen ist».

²⁵ O. Hansen, Op. cit., S. 20, Zeile 19.

²⁶ Haloun, Zur Ue-tsi Frage, ZDMG, 91, 1937; Sten Konow, War „Tocharisch“ die Sprache der Tocharer, „Asia Major“, IX, 1933, v. II, 459 ff.

²⁷ Сочинение Трога дошло в труде Юстина (I в. н. э.), изд. Cühl, Leipzig, 1888.

²⁸ Прямое указание китайских источников см. Цянь-Хань-шу, гл. 96, л. 1-6: «Эр Усунь гуньмо цзюй чжи гу; Усунь минью су чжун, Даюечжи чжун юнь».

²⁹ Ср. литературу вопроса: ZDMG, 91, стр. 254.

³⁰ O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvvölker und Skythen Zentralasiens, Berlin, 1904. Мы принимаем его отождествление даюечжи-массагетов.

³¹ «Tableaux historiques de l'Asie», Paris, 1825.

³² С. П. Толстов, История народов СССР, т. I, ч. 1—2, Л., 1940.

³³ R. Hoernle, A peculiarity of the Khotanese Script, JRAS, 1915, p. 437 ss.; H. W. Bailey, The Jataka Stava of Inanayasas, BSOS, IX, 1939, p. 4.

³⁴ „Ein christliches und manichäisches Manuscriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan (Chinesisch Turkistan)“, SPAW, XLVIII, 1909, S. 1203.

имеют в конечном слоге вместо обычного узкого гласного *ī* (*i*) фонему *a* (*ä*) — явление, не свойственное тюркским языкам и, по-моему, представляющее собой результат воздействия местных (т. е. тохарских) говоров на уйгурский язык, подобно аналогичному влиянию языков Кучара и Карашара на язык Хотани, которое устанавливает Виггоу³⁵. Весьма характерны в этом отношении глоссарии иранских языков (Хотани и даже кучарского) Восточного Туркестана в издании Ноернле³⁶, а особенно Bailey³⁷, где открытые гласные явно превалируют над узкогласными. Если мы примем эти две фонетические особенности тохарского языка (спирантизацию и перегласовку) и тот факт, что имя кушан известно, как показал Флит³⁸, в формах *Kushana*, *Kushan*, *Gusnāna*, *Gushan*, *Kā-sān*, *Kūsān* и т. д., то нетрудно видеть, что форма «кушан-кусан» является закономерной тохарской передачей этнонима усунь (*usun*). Тогда становится ясным, как «асии-усуни-кушаны» стали царями тохаров (*reges Thocarorum Asiani*). Попад под господство усуней на Тяньшане еще во II в. до н. э., будучи вытеснены из своих восточных пределов гуннами, тохары приняли над собой власть племен усуней, которых они называли, согласно своему произношению, кушанами = [k]us[a]n, и с ними во главе в 160—140 гг. разгромили грекобактрийское государство. Сохранные ими культурно-этнические связи со старыми территориями и возобновление старых связей уже под эгидой кушанской (усуньской) династии объясняет ряд черт единства культуры (например, красного лощения — среднеазиатской *terra sigillata*)³⁹ во всех этих местах. Не случайно, что кушанские владельцы являлись носителями титула «ябгу», в китайской форме хи-хэу, известного еще усуням в I в. н. э.⁴⁰, перешедшего к тохарам-кушанам и от них к юго-восточной группе «тохаров-хотани», где этот титул засвидетельствован в документах наиболее ранних (но все же IV—VI вв. н. э.)⁴¹, и сохранившегося от тюрков VI—VIII вв. вплоть до монголов XIV в.⁴²

Таким образом, разобранные выше этнонимы племен Центральной Азии сводятся к следующим группам:

Т р а н с к р и п ц и я		
китайская	античная	древнеиранская
даюечжи	массагеты исседоны ⁴³ асии	тохары
усунь		кушаны

³⁵ T. Burrow, *Tokharian Elements in the Karosthi Documents from Chinese Turkestan*, JRAS, Oct. 1935; ср. стр. 675.

³⁶ R. Hoernle, *Manuscript remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan*, I, Oxford, 1916; см. словари хотанского и кучарского языков.

³⁷ См. его серию *Hvatanica*, например, BSOS, IX, ч. 3, стр. 530 сл., а также его статью „A Turkish Khotanese Vocabulary“, BSOS, XI, ч. 2, 1944, 291 и сл.

³⁸ J. F. Fleet, *The name Kushan*, JRAS, 1914, pp. 1000—1010. Статья Fleet'a — отклик на работу V. H. Marshall'a, *The date of Canishka*, напечатано там же. К дискуссии присоединился и F. Thomas.

³⁹ Последняя отмечается по всей Средней Азии, особенно в Тохаристане, Согде, Даване, часто в Чуйской долине и, судя по сборам А. Стейна, в большом количестве по югу Синьцзяна (например, Хотан).

⁴⁰ Цянь-Хань-шу, гл. 96-6, л. 5-6, л. 7-6.

⁴¹ A. M. Bayer, E. Y. Rapson and E. Senart, *Kharosthi Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan*, Oxford, 1920, pp. 170 док. 477, p. 173 док. 480; см. ч. III, Oxford, 1929, Index Verborum, p. 364, термин „уарги“. Впервые отождествление сделано А. Stein'ом (*Serindia*, p. 415).

⁴² G. Ramstedt, *Mongolische Briefe aus Ydiqu-Schähri bei Turfan*, SPAW, 1909, S. 839; см. III документ Эльбег (1393—1399 гг.).

⁴³ О связи термина „исседон-усунь“ см. в нашей работе: „Археологический очерк Северной Киргизии“, Фрунзе, 1941.

Наличие разных наименований усуней в древности объясняется тем, что исседоны — это название восточной ветви массагетов, данное античными авторами (Аристей Проконисский, VI в. до н. э.)⁴⁴. Когда усунь с тохарами перешли на запад и информация античных авторов стала более правильной (тем более, что усунь были господствующим родом такого крупного политического образования), то они дали более близкую к истине транскрипцию усунь вместо исседон — асии. Со временем, в V—VII вв., т. е. когда согды стали ираноязычными хозяевами обоих склонов Тяньшаня⁴⁵, тохары стали синонимом только южной группы иранских племен, от Алтын-Тага до верховий Амударьи. Их пережиточными представителями являлись современные припамирские иранские племена, в то время как северная группа иранских племен объединялась в этнической семье согдийцев, островком которых являются современные ягнобцы⁴⁶.

Общность этих народов проявилась также в широкой распространенности на этой территории не только общих элементов культуры и археологических комплексов, но и расовых памиро-ферганских типов, на юго-востоке доходящих до Лобнора, т. е. до крайней юго-восточной точки распространения языка Хотани⁴⁷. Но до победы согдийцев в Восточном Туркестане на них распространялся термин *toxri*, о чем ниже.

В страну северных тохаров Кучара — Карашара — Турфана в половине VI в. проникают эфталиты, принесшие с собой и греческий курсив, отмеченный только в Турфане⁴⁸, и (быть может, с помощью сирийцев и манихейцев) византийский антик Кучара, отмеченный и по северную сторону Тяньшаня⁴⁹. Очевидно, именно с эфталитами связаны тексты языка I (диалекты А и В)⁵⁰, или, как его называют, кучарского (Сильвен Леви)⁵¹, кашгарского (Лейман)⁵², язык Сулэ (E. Smiit)⁵³, Турфани (Кирсте)⁵⁴ и т. д. Письменный язык, который мы связываем с эфталитами, отличен от известного языка сирийцев и их письма, равно как и от манихейских текстов.

Именно с этим языком следует, видимо, связывать язык *kuiṣan* (Kū-ṣān), с которого, как свидетельствует ряд колофонов уйгурских тек-

⁴⁴ Исседоны, кроме Аристее Проконисского (в передаче Геродота), известны еще у Птолея; см. об исседонах Julius Jung, Saka Studien, „Klio“, Beiheft XLI, Neue Folge, Heft 23, Leipzig, 1939, S. 17 ff.

⁴⁵ А. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, „Краткие сообщения ИИМК“, VI.

⁴⁶ Теория, широко распространенная среди советских ученых (Н. Кисляков, Климчицкий и др.). Ср. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, „Известия Академии литературы и языка“, т. V, вып. 5.

⁴⁷ Антропологические материалы из наших раскопок были подвергнуты обследованию Е. Жировым и В. Гинзбургом, работа которых находится в печати. Некоторые наблюдения Е. Жирова см. в его статье „Об искусственной деформации головы“, „Краткие сообщения ИИМК“, VIII, стр. 85.

⁴⁸ A. Le Coq, Kōktürkisches aus Turfan, SPAW, 1909, S. 1047 ff.; ср. Al. Herrmann, Die Hephthaliten und ihre Beziehungen zu China, „Asia Major“, II, 3, 4, 1925, S. 564 ff.

⁴⁹ О византийских элементах в Чуйской долине — см. моя работы: Археологические работы в Казахстане и Киргизии, „Вестник древней истории“, 1939, № 4 (9), стр. 171, а также Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 17.

⁵⁰ Классификация E. Leumann'a (указ. соч.), принятая Sieg und Siegling: Tocharisch, die Sprache der Indoskythen, SPAW, 1903, S. 915—934.

⁵¹ „Journal Asiatique“, sér. XI, vol. II, 1913.

⁵² „Über eine von den unbekannten Literatursprachen Mittelasien“, Записки ИАН, 1900, сер. VIII, т. IV, № 8.

⁵³ „Die neuentdeckte indogermanische Sprache Mittelasien“, „Viedeskobs Selskobet Skrifter“, Class II, 1910, No. 5.

⁵⁴ „Vienna Oriental Journal“, XXVI, 1912.

стов⁵⁵, переводили в Восточном Туркестане на язык тохарі (иранский) и с него на уйгурский, в редких случаях — прямо на тюркский⁵⁶.

Приведем характерные примеры. Вот текст Т III М из Муртука: «.....idiyut non bitig ning ögmägin kuisan (küsän) tilintin barčuq ulınca avırdaç (i)...», где, термин barčuq синоним — тюркский⁵⁷. Или другой текст из Муртука: «kuišan (küsän) tilintin toxri tilinča jaratmiš... toxri tilintin türkča avirmiš dsakrmabuda navtanamal nom bitig»⁵⁸. О непосредственном переводе с индийского на тохарский, а затем на уйгурский, свидетельствует тот же текст, где сказано: «änätkäk tilintin toxri tilinča jaratmiš... toxri tilintin türk tilinča aytarmış (avirmiš) maitrisimit nom bitig»⁵⁹.

Обращаю внимание, что во всех случаях тохарский язык является посредником в переводе только буддийских текстов, священных книг (буквально «письмо закона» — «nom bitig»), т. е. литературы либо индийской, либо кушанской по своему происхождению. Отсюда очевидно, что кушанским назывался язык, который, наряду с индийским, был для эпохи III—V вв. классическим языком буддизма, подобно тому, как с VIII в. им становятся тибетский и китайский. Для того времени термин Kuišan (Küsän) обозначал страну, народ и язык государства, после падения которого эфталиты явились прямыми продолжателями кушанской династии, главным образом на территории Афганистана⁶⁰. Классические памятники буддизма эфталитского Афганистана, изучаемые французской археологической миссией⁶¹, показывают, что эфталиты ревниво продолжали дело своих предшественников кушанов, царь которых Канишка первый придал буддизму всеазиатский размах.

Тохарский язык как «посредник» между буддийской литературой Запада и тюркской Востока может быть только иранским, а в широком употреблении этого понятия — и согдийским. Характерно, что тюрки непосредственно переводили с тибетского и китайского⁶², а с помощью тохарского, как показывают уйгурские тексты, только с индийского и кушанского (весьма вероятно, часто выступающего как формальный синоним индийского), т. е. с тех языков, с народами которых они непосредственной связи не имели и, следовательно, язык которых, а тем более письменность, были им менее знакомы. То, что уйгуры здесь все еще продолжают называть согдийский язык тохарским, не

⁵⁵ F. W. Muller, *Toxri und Kuišan (Küsän)*, SPAW, Bd. XXVII, 1918.

⁵⁶ На язык „Barčuq“ (см. там же, стр. 580).

⁵⁷ Там же, стр. 580.

⁵⁸ Там же, стр. 583.

⁵⁹ Там же; ср. F. Muller, *Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittelasiens*, SPAW, LIII, 1907, S. 2; см. также аналогичный колофон в переводной буддийской книге с языка „Ügü-Küšan“ на язык тохри и с тохри на тюркский (Av. Gabain, F. W. K. Müllers *Uigurica*, IV, SPAW, 1931, pp. 678—679). Ugu, вероятно, — тюрк. Ögä в значении „высокий“, „благородный“, „знаменитый“.

⁶⁰ Была попытка рассмотреть язык „Küsän“ как название языка Кучи; см. F. Weller, Kuci — Küci — Kisan, „Asia Major“, V, 3/4, 1928. В связи с этим см. статью Людерса об истории и географии Восточного Туркестана, SPAW, 1922.

⁶¹ Кроме известных выпусков полного отчета *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan*, типа J. Hackin и J. Carli, *Nouvelles Recherches Archéologiques à Bamiyan*, Paris, 1933, мы располагали также рядом предварительных отчетов, изданных в Кабуле на французском и персидском языках, а именно: J. Hackin, *L'art Bouddhique de la Bactriane*, Kabul, 1937; его же, *Recherches archéologiques à Begram* (1939), Kabul, 1940. Нам известны также работы Godard'a и Hackin'a на персидском языке, изданные в Кабуле в 30-х годах XX в. Ср. также J. Hackin, *Les travaux de la délégation archéologique française en Afghanistan*, „Revue des Arts Asiatiques“, vol. XII, N° 1, p. 2 ss. (отчет о работах 1936—1937 гг.). В указанных работах имеется ряд воспроизведений, не известных в ранее изданных отчетах.

⁶² См. например, перевод сочинения Сюань Цзана на уйгурский язык: A. Gabain, *Die Uigurische Übersetzung der Biographie Hück tsangs I, Bruchstücke des 5 Kapitels*, SPAW, V—VII, 1935.

должно нас смущать, ибо под термином «согдак» (soɣdak) они, повидимому, подразумевали только округу Самарканда, Согд в узком смысле этого слова, выделяя соседнюю с Самаркандом Бухару, о чем наглядно свидетельствует текст Кюль Тегина 733 г. н. э. Так например, в строке 39 упомянутого памятника сказано: «sogdaq budum ätäjin Jäncü ügüzig kaša Tamir — garyuqa tägi sülädimiz — «для того, чтобы устроить народ согдаков, мы, переправясь через реку Иенчу (Сыр-дарью), прошли с войском вплоть до Темир-Капыга»⁶³. Или другое место этого текста, где в перечислении слов, пришедших на похороны Кюль Тегина, среди прочих указаны Согды, Бухарак Улус и т. д.⁶⁴, т. е. фактически жители Самарканда, Бухары и их округов.

Эфталиты, белые гунны (как мы пытались показать в другом месте)⁶⁵, несли в себе культуру гуннов, «европеизированных» в походах IV—V вв. Западные гунны с Ирнахом ушли в Закаспий, где слились с эфталитами туркменских степей. Именно они — после крушения эфталитской империи — могли быть носителями в Карашаре — Турфане — Кучаре тех индоевропейских элементов, отличных от иранских, которые представлены в немногих переводах только с санскритского, писанных «среднеазиатским» брахми или греческим. Ограниченность во времени (VI—VIII вв.), в территории (Карашар, Турфан — Кучар) и в сюжете (буддийские переводы) этого «языка кентум» свидетельствует в пользу нашего предположения. В отличие от него тексты на языке Хотани чрезвычайно разнообразны по сюжетам — от переводов буддийских книг вплоть до долговых расписок, что говорит о более народном характере этого языка. В силу этого язык Кучара не может быть назван тохарским, что не без основания оспорил еще Сталь-Гольштейн⁶⁶ и к чему молча присоединились многие исследователи; это явствует из поисков нового названия для языка северотаримских оазисов⁶⁷. И если теперь остается в силе тохарская проблема, то она прежде всего должна звучать как проблема древнего иранства Средней и Восточной Азии, равная согдийской. Тохарская и согдийская проблемы — это проблемы северной и южной групп иранских племен. В этом свете снова должна жить в историческом плане тохарская проблема как вопрос о связи народов нашей страны, прежде всего народов Средней Азии, с зарубежными иранскими племенами и как вопрос, имеющий первостепенное значение в этногенезе таджиков.

Вместе с тем должна быть окончательно похоронена тохарская проблема как проблема среднеазиатских «западных индогерманцев», еще в 1943 г. снова нашедшая себе место на страницах фашистских журналов типа «Indogermanische Forschungen».

Тохарская проблема была и остается проблемой древнего иранства, сопряженной прежде всего с историей Кушанского государства от его возникновения до его падения, в лингвистическом отношении связанная не только с исследованием документов, зафиксированных письмом карошти на языке Хотани, но и с изучением диалектов памирских народов, в одном из которых, а именно вершикском, Н. Я. Марр видел яфетический островок⁶⁸ среди моря языков современного населения азиатских оазисов, гор и пустынь.

⁶³ П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, ЗВО, XII, вып. II—III, стр. 73. Аналогичные тексты есть и в других памятниках, например, Тоньюкука и Кули Чура.

⁶⁴ Там же, стр. 77.

⁶⁵ Очерк истории гуннов (рукопись).

⁶⁶ Stahl-Holstein, Op. cit., ИАН, 1908.

⁶⁷ Основная литература указана выше.

⁶⁸ См. его работы в рукописях, хранящихся в архиве ИИМК: «Туркестанская этно-топонимика и социально сродные термины» (А-24) и «Грамматика вершикского языка» (А-607).